

**д.м.н. профессор С.В. Гребеньков,
д.м.н. профессор И.В. Петреев**

**ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный
медицинский университет имени И.И. Мечникова»
ФБУН «Северо-Западный научный центр гигиены
и общественного здоровья» Роспотребнадзора, Санкт-
Петербург**

**ОСНОВОПОЛОЖНИК ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ШКОЛЫ ПРОФПАТОЛОГИИ ПРОФЕССОР
Н.А. ВИГДОРЧИК О ВЗАИМОСВЯЗИ
ПРОФПАТОЛОГИИ И ГИГИЕНЫ ТРУДА**

Санкт-Петербург, 2024

Взгляды создателя первой в стране и мире кафедры профессиональных болезней (так она называлась в 1924 г., ныне – кафедра медицины труда СЗГМУ им. И.И. Мечникова), которой он руководил 25 лет, а также основателя (1924) и первого директора Ленинградского Института по изучению профессиональных заболеваний (в настоящее время СЗНЦГиОЗ) профессора Н.А. Вигдорчика представляются весьма интересными и оригинальными,

На фоне происходящих в то время грандиозных событий в переустройстве государственной системы основополагающим принципом построения медицины было провозглашено ее профилактическое направление.

1 ноября 1929 г. сотрудники Института отметили первую пятилетнюю дату своей деятельности, а профессор Н.А. Вигдорчик опубликовал брошюру. Научная работа в те годы была направлена на систематическое пополнение знаний, с одной стороны, о причинах возникновения, а с другой – о способах ранней диагностики и лечения профессиональных болезней.

«Мы искали знаний, чтобы действовать, и действовали, поскольку имели знания. Практика толкала теорию, теория развивала практическую работу», указывал профессор Н.А. Вигдорчик. И далее: *«Прежде, чем начинать работу в этих двух направлениях, предстояло решить для себя кардинальной важности методологический вопрос: какую науку мы представляем и разрабатываем, от имени какой ветви медицины мы выступаем? Читателю, не стоящему непосредственно у дела изучения профессиональных болезней, этот вопрос может показаться странным. Но, посвященные знают, что именно в этом вопросе кроется много трудностей именно в вопросе о том, какой науке должны быть посвящены Институты профессиональных заболеваний, велись и ведутся горячие споры. В чем же тут дело?»* [1].

Николай Абрамович Вигдорчик посвятил весьма много страниц обсуждению этого вопроса. В частности, он писал: *«Мы должны начать с тезиса, который у нас в стране в начале 20 века сделался символом веры всех учреждений по изучению и предупреждению профессиональных болезней. Тезис этот гласит; что во всех или почти во всех заболеваниях трудящегося населения в большей или меньшей степени повинны условия труда. Вредности работы проявляются не только там, где человек заболевает яркой, резкой, специфической профессиональной болезнью, как например, свинцовым отравлением или писчей судорогой. Но если организм рабочего преждевременно изнашивается под влиянием многолетнего напряжения мышечной системы, или если хроническое перегревание делает человека восприимчивым к инфекции, или если роды протекают у работницы тяжелее под влиянием сидячей работы, то все эти и все аналогичные явления мы рассматриваем как профессиональные заболевания или — точнее — как профессиональную патологию. Задача изучения профессиональных болезней развёртывается таким образом в чрезвычайно широкую проблему: в изучение той роли, какую играют профессиональные вредности в этиологии, всей заболеваемости трудящихся.*

Но проблема изучения профессиональных заболеваний, таким образом формулированная, распадается на две части. Нужно изучать, с одной стороны, профессиональные вредности, т.е. условия труда, с другой — патологические процессы в организме трудящихся. Это — два пути, идущие друг другу навстречу и встречающиеся у одной общей цели. Первый путь — это путь гигиенический, второй — клинический. Оба эти метода за последние годы выкристаллизовались в самостоятельные научные дисциплины. Профессиональная гигиена (гигиена труда – прим. автора) и профессиональная патология работали рядом, рука об руку, но были самостоятельны. Так же, как например, эпидемиология и клиника инфекционных болезней или детская гигиена и детская клиника.

Создавая Институт для изучения профессиональной этиологии, надо было решить вопрос, какой из указанных двух дисциплин он будет заниматься: будет ли это Институт гигиенический или клинический, или он будет совмещать в себе обе задачи» [1].

Изначально, «Ленинградский Институт по изучению профессиональных заболеваний» избрал клинический путь работы. Он сделался Институтом профессиональной патологии. В

пользу такого выбора говорила значительная отсталость профессиональной патологии сравнительно с профессиональной гигиеной. Последняя изучалась и изучается уже давно и на Западе, и у нас — в многочисленных учреждениях. Профессиональная патология ютилась до сих пор, как нелюбимая падчерица, „по чужим дворам“, по различным медицинским клиникам. Ее уже давно надо было восстановить в правах», - указывал Н.А. Вигдорчик.

И далее он продолжает: «Но не только эти соображения побудили нас ограничить компетенцию нового Института вопросами профессиональной патологии. Мы думаем, что, когда в процессе развития научного знания известная дисциплина распадается на самостоятельные ветви, нет оснований противодействовать этому делению и искусственно его задерживать. Между тем если мы в одном учреждении соединяем изучение двух дисциплин, хотя бы и находящихся в кровном родстве, но уже выросших в самостоятельные отрасли знания, мы в некоторой степени задерживаем рост либо одной, либо другой из этих дисциплин. Всегда одна отрасль работы делается доминирующей, другая попадает в положение порабощенной. Конечно, возможны счастливые исключения. При талантливом руководстве и достаточном кадре опытных работников возможно сохранение равновесия между всеми отраслями работы и равномерная разработка каждой из этих отраслей в отдельности. При этом достигается фактическое объединение под одной крышей двух самостоятельных институтов. Такие счастливые исключения имеются и у нас в Союзе. Но никто не вправе рассчитывать на исключения. И мы решили, что правильнее идти путем специализации.

Мы не можем не отметить, что только что высказанные нами взгляды разделяются многими работниками в области профгигиены и профпатологии. Очень часто утверждают как раз противоположное. Говорят, что нельзя изучать условия труда, не зная, как они влияют на организм рабочих, и нельзя изучать профессиональные болезни, не зная условий труда, которыми они вызваны. С точки зрения формальной логики такое сопоставление звучит очень убедительно.

Но тут смешаны два понятия: знакомство со смежной областью знания и самостоятельное изучение этой области. Можно ли изучать физику, не зная химии, или наоборот? Конечно, нет. Но следует ли отсюда, что нельзя создавать самостоятельные физические и химические институты? Конечно, не следует. Мыслим ли мы себе изучение инфекционных болезней без знания бактериологии? Но значит ли это, что клиники инфекционных болезней должны быть объединены в одно целое с бактериологическими Институтами?

Перенося эти аналогии в интересующую нас область, мы скажем, что нельзя изучать профессиональную патологию, не будучи хорошо ориентированным в вопросах профессиональной гигиены (авт. — гигиены труда). Но, быть хорошо ориентированным в известной области вовсе не значит самостоятельно изучать эту область. Для профпатолога профессиональная гигиена является вспомогательной смежной наукой, как химия для физика. Когда мы изучаем болезни известной группы рабочих, мы должны знать условия труда и должны иметь подробные и грамотные санитарные характеристики входящих в ее состав деталей профессий. Но ни откуда не следует, что эти санитарные характеристики мы должны составить собственными руками, что мы не можем получить их в готовом виде из рук санитарного инспектора или — лучше — от другого научного учреждения, специально изучающего условия труда. Неужели для того, чтобы знать, сколько пыли содержится в воздухе, мы должны сами научно разрабатывать методику определения пыли? Для чего нам иметь бюро вентиляции, или заниматься техникой безопасности или изучать методы освещения или производить эксперименты над качеством одежды и т. д. и т. д.? Множество актуальнейших задач гигиены труда не имеет непосредственного контакта с профпатологией и обратно.

Впрочем, нужно сказать, что мысль о неотделимости профпатологии от профгигиены далеко не всегда питается логикой. Очень часто она вытекает из предпосылок не логического, а организационного или даже — мы позволим себе откровенно сказать —

ведомственного характера. Не секрет, что между органами Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ) и народного комиссариата труда (НКТ) издавна существует антагонизм; и именно в вопросе о том, где должна быть сосредоточена борьба за оздоровление труда, этот антагонизм проявляется особенно резко. Каждая сторона стремится овладеть этой великой проблемой в полном объеме. Бытие определяет сознание. И логика создает доводы в пользу того, что эту проблему делить нельзя, и что нельзя изучать профгигиену без профпатологии и профпатологию без профгигиены» [1].

Вот так Николай Абрамович чётко излагает свои взгляды на концептуальное предназначение возглавляемого им учреждения: «В Ленинграде и в момент создания нашего Института и в последующее время указанный антагонизм почти не чувствовался. Поэтому в наших „бытие" не было ничего, что насиловало бы наше „сознание". Мы могли себе позволить роскошь быть последовательными до конца. Появление в Ленинграде вскоре после открытия нашего Института другого научного учреждения, посвященного как раз профессиональной гигиене, именно Института Гигиены Труда и Техники Безопасности, созданного НКТ, еще более укрепило нашу позицию. Два Института работают рядом по двум смежным областям, работают без всякого антагонизма, помогая друг другу, и служба живым доказательством того, что в нашей области, как и во всех других, специализация может только содействовать продуктивности труда.

Итак, Ленинградский Институт по изучению профессиональных заболеваний сделался чистым типом учреждения, изучающего профессиональную патологию. Этим было определено и направление научной работы нового учреждения, и характер практических вопросов, поступающих с периферии и требовавших ответа. В первое время периферия не умела еще проводить строгой грани между вопросами гигиены труда и вопросами профессиональной патологии. К нам обращались со множеством запросов, касавшихся изучения условий труда, или относившихся к области охраны труда и техники безопасности. Мы систематически отказывались сойти с намеченного нами пути и направляли соответствующие запросы сперва в инспекцию труда, а позднее — в Институт Гигиены Труда. В конце концов линия водораздела между двумя Институтами была отчетливо усвоена всей периферией.... Оглядываясь на свою пятилетнюю работу в избранном направлении, наш Институт не имеет оснований раскаиваться в той принципиальной строгости, с которой им охранялась отчетливость избранной позиции»

Ранее люди «обходилась без профпатологии, как обходились когда-то без свечей и керосина.... Этого минуса наверно никто не создавал, но где-то в цифрах заболеваемости и смертности рабочих — он проявлялся. И когда появился Институт, появились и запросы к нему. Появились сразу в большом числе, и чем дальше, тем число этих запросов все более и более увеличивалось» [1].

Среди актуальных вопросов Николай Абрамович называет следующие: «...годится ли данный рабочий для данной профессии? Можно ли работника с теми или иными дефектами принять на работу или оставить на ней? Не связаны ли его жалобы или болезнь с условиями труда? Если связаны, то с какими именно? Какие терапевтические или профилактические мероприятия должны быть предприняты в каждом отдельном случае? Не является ли данный рабочий уже инвалидом? Если является, то не носит ли инвалидность профессионального характера? И т. д.».

Эта консультативная работа в те годы, безусловно, была экспериментальной, научной и инновационной как сказали бы сегодня. Именно результаты этой деятельности были существенным вкладом, научной основой для формирования мероприятий по охране труда. Тысячи медицинских заключений сыграли важнейшую роль в деле уменьшения заболеваемости трудящихся Ленинграда.

Как известно Институт по изучению профессиональных болезней с первых дней своего существования был клинической базой для кафедры профессиональных болезней Ленинградского института для усовершенствования врачей (ГИДУВа), созданной в феврале того же 1924 г. [2]. В огромной степени этому способствовал тот факт, что у истоков обеих

структур стоял один и тот же выдающийся человек – профессор Николай Абрамович Вигдорчик, который как никто понимал неразрывную связь науки и образования. Вот как он это формулировал: *«Ленинградский Институт по изучению профессиональных заболеваний отнюдь не являлся учреждением педагогического характера. Но коль существует научный центр по какой-либо специальности и раз этот центр приобретает известный авторитет, то он волей-неволей втягивается в педагогическую работу»* [1].

Таким образом, изложенные первым заведующим кафедрой профессиональных болезней и первым директором Ленинградского института по изучению профессиональных заболеваний профессором Николаем Абрамовичем Вигдорчиком идеи по изучению профессиональных болезней, его утверждения о неразрывной связи науки и образования, особенно применительно к дополнительному профессиональному образованию, не могут не восхитить современных специалистов по медицине труда сегодня, в 21 веке, по прошествии без малого 100 лет.

Возможно, кто-то из специалистов не в полной мере согласится во взглядами Н.А. Вигдорчика, особенно когда речь идёт образовательной составляющей.

Огромный опыт кафедры медицины труда, наоборот, скорее подчеркивает необходимость при подготовке врачей по профпатологии и гигиене труда иметь в своей структуре, как клиницистов-профпатологов, так и гигиенистов труда. Если проследить историю развития (особенно в плане смены её дальнейших названий) первоначально созданной Н.А. Вигдорчиком кафедры, как кафедры профессиональных заболеваний, то выясняется следующее.

- Кафедра профессиональных болезней (1924-1932)
- Кафедра профессиональных болезней с экспертизой трудоспособности (1932-1938)
- Кафедра профессиональных болезней с **гигиеной труда** и экспертизой трудоспособности (1938-1973)
- Кафедра профессиональных болезней и **гигиены труда** (1973-1982)
- Кафедра **гигиены труда** и профессиональных болезней (1982-1999)
- Кафедра медицины труда (1999 – по настоящее время)

Как видно из представленных сведений, уже в 1938 г. в названии кафедры звучит гигиена труда и это, конечно, не случайно. В сферу интересов кафедры были включены вопросы гигиены, так как она является неотъемлемым элементом в изучении профпатологии, поскольку профессиональные заболевания следует рассматривать как следствие не адекватных условий труда, продукт воздействия вредных и опасных производственных факторов, другими словами как этиологию профессиональных заболеваний.

Название «Кафедра гигиены труда и профессиональных болезней» (1982-1999) наиболее точно отражает современную структуру кафедры, поскольку в ее составе присутствуют два самостоятельных, взаимосвязанных и взаимодополняющих компонента: гигиена труда и профпатология, что позволяет считать кафедру одновременно и профилактической и клинической. Подобный симбиоз является особенно эффективным, поскольку, как уже было сказано, вредные производственные факторы – суть этиология профзаболеваний и профпатологи должны её хорошо знать, с другой стороны, специалисты в области гигиены труда изучают вредные производственный факторы не из любопытства, а должны чётко представлять к какой патологии они приведут, в какой форме, в какие сроки и т.п. и как это можно предотвратить или хотя бы помешать этому.

Тем не менее, рассуждения Николая Абрамовича Вигдорчика в отношении научно-исследовательских учреждений весьма любопытны, блестяще аргументированы и с ними следует согласиться.

Авторы сочли для себя возможным и правильным опереться на масштабное цитирование профессора Н.А. Вигдорчика, приведённое в статье, поскольку трудно более ясно и чётко изложить его мысли, чем это сделал он сам.

1. Вигдорчик Н.А. 5 лет работы Ленинградского института по изучению профессиональных заболеваний (1924-1929). – Москва-Ленинград : Гос. мед. изд-во, 1929. – 80 с.
2. Ретнёв В.М., Гребеньков С.В. Кафедра медицины труда: история, современность и перспективы (1924-2014). – СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2014. – 160 с.